

1771) УКАЗЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Въ С.-Петербургѣ, 23 декабря 1768 г.

Всеимостивѣйше разсудили мы находившагося по нынѣ при королѣ и республикѣ польскихъ въ качествѣ нашего чрезвычайнаго и полномочнаго посла, нашего генералъ-маіора и кавалера, князя Николая Репнина, отозвать для употребленія его въ настоящей военной службѣ, а на его мѣсто назначить къ Его Польскому Величеству и республикѣ польской въ равномъ качествѣ чрезвычайнаго же и полномочнаго посла, нашего генералъ-аншефа, генералъ-адъютанта, сенатора, лейбъ-гвардіи коннаго полка подполковника и кавалера, князя Михаила Волконскаго, повелѣвая потому нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ изготovitъ къ подписанію нашему нужныя грамоты, отзывную и кредитивную, для обоихъ пословъ, съ инструкціею для новаго. На выѣздъ и возвращеніе князя Репнина жалуемъ мы пять тысячъ рублевъ, а князю Волконскому на дорогу и исправленіе экипажа двадцать тысячъ рублевъ со всѣмъ тѣмъ годовымъ жалованьемъ и столовымъ содержаніемъ, которое имѣетъ предмѣстникъ его.

Екатерина.

1772) СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ.

Мнѣ кажется послать надлежитъ куріера съ ордеромъ къ Прозоровскому и къ Солтикову, чтобъ они старались занимать Каменца куплею или фінтою (feinte?) или инымъ образомъ, лишь бы не апрошами или формальною осадою, кою никакъ не можно и не должно дѣлать.

Помѣта: Къ депешамъ кн. Репнина изъ Варшавы отъ 20 декабря 1768 года.

1773) ПОСТСКРИПТЪ КЪ ПИСЬМУ ГР. ПАНИНА КЪ ПОСЛУ КН. РЕПНИНУ
ВЪ ВАРШАВУ.

Быть по сему ¹⁾.

Р. S. При семъ отправленіи долженъ я вамъ напamятовать о моемъ письмѣ касательно Каменца-Подольскаго. Ему необходимо

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, 26 декабря 1768 г.

А
быть надобно въ нашихъ рукахъ; употребляйте, ваше сіятельство, для того все то, что вы лутчимъ, пристойнѣйшимъ по обстоятельствамъ вашимъ, и при томъ надежнѣйшимъ къ полученію примыслить можете, а занявъ оный извольте сдѣлать торжественную декларацію отъ собственного имени Ея Величества, что мы будучи принуждены столь вѣроломною войною оборонять не только себя, но и самую растерзанную республику внутренними и виѣшними ея злодѣями, которые обѣщавъ въ награжденіе вѣроломному нашему врагу всю Подолію, привели его на такое беззаконное и нѣжнѣйшую часть вольности республики Польской въ ея дворянскомъ корпусѣ разрушающее требованіе избранія новаго ей короля, съ низложеніемъ нынѣ царствующаго, о чемъ самымъ точнымъ и явнымъ образомъ сказано въ врученной отъ Порты военной намъ деклараціи всѣмъ тамъ находящимся чужестраннымъ министрамъ и что еще пространнѣе подтверждено въ выданномъ публикѣ визирскомъ письмѣ къ рѣчи посполитой Польской, а для сихъ причинъ успѣхъ нашего оружія и огражденіе Польши отъ доскональнаго истребленія варварскихъ рукъ необходимо требуетъ, чтобъ тотъ городъ нашими собственными войсками занять былъ, о которомъ торжественно Ея Величество обѣщать и обнадеживать изволить республику Польскую, какъ дружественнѣйшую державу, что она никогда и ни подъ какимъ предлогомъ имъ завладѣть не намѣрена, а паче какъ скоро всѣ бѣдственныя военная замѣшательства пресѣкутся, войска Ея Величества его упразднить и возвратятъ войскамъ республики въ такомъ же совсѣмъ военномъ состояніи, въ какомъ взяли или взять будетъ.

Вотъ, государь мой, основанія, на которыхъ вы можете сдѣлать помянутую декларацію, есть ли вы чего противнаго сему поступку намѣстѣ не найдете.

Его Польское Величество долженъ уже теперь удостовѣриться, что дѣло идетъ явнымъ образомъ о его коронѣ, и что все спасеніе единственно зависитъ отъ успѣха нашего оружія, да едва и не отъ одной ли первой кампаніи; такъ уже время ему серіозно себя утвердить на нашей одной дорогѣ, слѣдовательно легкомысліемъ своимъ не затруднять намъ больше того, что необходимо исполняться должно, а надобно напротивъ чистосердечно и съ твердостью всѣ намъ къ тому преподавать способы. Да я не понимаю, какъ господа Чарторижскіе думаютъ вывернуться, когда король стремглавъ полетитъ. Конечно, тогда Саксонскія креатуры прежде не успокоятся, покуда ихъ въ прахъ не истребятъ. Насъ же за нихъ за однихъ тогда вступатся ни долгъ,

ни честь не заставить; все жъ сіе весьма легко и скоро случиться можетъ, когда вся собирающаяся громада турецкихъ силъ къ нимъ въ Польшу ввалится, и что воспрепятствовать инако конечно не возможно, какъ предупрежденіемъ ея на Днѣстрѣ съ нашей стороны, а для сего Каменецъ-Подольской намъ необходимо надобенъ. Я ожидая по сему предмету вашихъ отвѣтовъ на мое первое письмо, здѣсь вамъ не предписываю никакихъ точныхъ средствъ, какъ сіе исполнить, полагая и то, что можетъ быть оное уже и сдѣлано, а если нѣтъ, то только еще подтверждаю, чтобъ сообразуя съ настоящими вашими дѣлами всѣ удобъ-вымысленныя употреблены были, и городъ бы былъ конечно въ нашихъ рукахъ, съ такою деклараціею, какъ выше сказалъ. Пускай потомъ король, съ своимъ правительствомъ, для нужнаго иногда примаса, въ публикѣ дѣлаетъ намъ представленіе о возвращеніи города, дабы тѣмъ сохранить еще на нѣкоторое время видъ нейтралитета, но надобно только для его собственной цѣлости, чтобъ онъ внутренно самъ зналъ и увѣренъ былъ, что онъ сіе дѣлаетъ для одного примаса, вы же на то извольте отвѣтствовать, и увѣрять всегда сходно съ вашею деклараціею.

1774) ПИСЬМО ОТЪ ГРАФА ПАНИНА КЪ ГРАФУ ОСТЕРМАНУ ВЪ СТОКГОЛЬМѢ.

Въ С.-Петербургѣ, 31 декабря 1768.

По случаю всѣхъ новыхъ въ Стокгольмѣ явленій, условился я съ барономъ Рибингомъ, чтобъ онъ отправилъ къ сенатору барону Фризендорфу партикулярную въ обыкновенной однакожъ формѣ депешу съ описаніемъ того образа и мыслей, съ коими взираемъ мы на сіи странныя явленія, и чтобъ онъ препровождая ту депешу другимъ приватнымъ письмомъ, отдалъ ему на волю произвести ее въ дѣло, или же оставить безъ употребленія.

Содержаніе сей депеши написано мною самимъ по-французски и состоитъ въ слѣдующемъ: Что я съ полученія здѣсь извѣстія о врученной отъ короля сенату запискѣ, началъ быть скрытиѣе къ нему, Рибингу, хотя онъ между тѣмъ два дня сряду случай имѣлъ меня видѣть, но что по пріѣздѣ втораго нашего курьера съ вѣдомостью объ опредѣленномъ уже созывѣ сейма въ будущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, увидя его первой разъ при дворѣ, тотчасъ къ нему подошелъ и отозвался слѣдующимъ образомъ: „И такъ будетъ у васъ скоро сеймъ; время и обстоятельства, которыя вы къ тому избрали, а особливо самый образъ рѣшенія походятъ очень на то, что бѣдной націи плясать въ третій разъ съ бѣдою и со вредомъ ея;“ что онъ схватился какъ можно скорѣе самъ съ собою отвѣтствовалъ мнѣ, что король его государь больше любитъ народъ свой, нежели чтобъ надлежало опасаться, чтобъ допустилъ онъ склонить себя къ чему либо покой его помутить могущему, и что онъ

напротивъ думаетъ, что тутъ руководствовала самая его величества нѣжность искать совѣтоподаяній вѣрнѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ своихъ совѣтниковъ, то есть государственныхъ чиновъ, собирая ихъ нарочно для лутчаго обезпеченія мира, тишины и благосостоянія націи; что я взявъ его тогда за руку и пожавъ ее сказалъ на то: „Слушай дорогой мой баронъ! Я министръ государыни, тѣснѣйше соединенной съ вашимъ королемъ союзами крови и дружбы; когда ея величество печется о благосостояніи шведской королевской фамиліи и о сохраненіи ея, въ томъ исполняетъ она только долгъ родства, а естли я, какъ человѣкъ совершенно знающій, сказываю вамъ происходящее въ мысляхъ и душѣ ея, то могу сіе дѣлать съ толь большею довѣренностію, что буду больше изъяснять мнѣнія родственницы, нежели импрессию, которую долженствуетъ производить все нынѣ у васъ происходящее надъ короною толико сопряженій съ Швеціею имѣющею. Ея Императорское Величество постигаетъ и предвидитъ ту игру, въ которую отечество ваше затащить стараются постороннія держава, коя въ безпокойствахъ и заговорахъ находитъ всегда интересъ свой и коя насъ неоднократно уже ссорила; естли только нація допуститъ себя ослѣпить обманчивыми наружностями, кои она ей коварно представляетъ, въ самомъ выгоднѣйшемъ видѣ можно почти напередъ угадать, какой тутъ будетъ конецъ отъ государства къ государству, и что за онымъ настанетъ вновь нужда употребительнаго изъ давна средства платить за національное раззореніе корупціею нѣсколькихъ партикулярныхъ людей, въ чѣмъ тридцатилѣтняя ваша система не одинъ подастъ намъ примѣръ; но не столь напротивъ того легко предѣопредѣлить теперь будущія слѣдствія для короля и фамиліи королевской. Я самъ былъ свидѣтелемъ бѣдственныхъ заключеній государственныхъ чиновъ въ 1756 году; тщетно было бы предъ мною утверждать, что они произведены были стремительностію внутреннихъ происковъ. Я увѣренъ о противномъ и знаю, что гдѣ нѣтъ куска, тамъ укусить нельзя“. А напоследокъ прибавилъ я, что сей мой съ нимъ откровенный разговоръ основывается на двойномъ искусствѣ, а особливо на нѣжной ея императорскаго величества любви къ королю и ко всему его дому; что онъ, баронъ Рибингъ, дабы не остаться безъ отвѣта, хотѣлъ возобновить прежнія свои увѣренія о королевской къ націи любви, но что въ то время великій князь, приближась ко мнѣ, разлучилъ насъ, и что тутъ я успѣлъ только, оборотясь къ нему, выговорить еще сіи слова: „Я сказалъ вамъ, господинъ посланникъ, все то, что у меня на сердцѣ было, а чрезъ то и исполнилъ уже долгъ честности моей; я оставляю вамъ на волю сдѣлать изъ сказаннаго мною такое употребленіе, какъ вы сами разсудите.“

Къ сему описанію разговора прибавлено будетъ отъ Рибинга въ депешѣ, что онъ при первомъ со мною свиданіи стараться будетъ меня успокоить, естли инако не подоспѣютъ сюда какія новѣйшія извѣстія изъ Швеціи, и что между тѣмъ не хотѣлъ онъ оставить безъ донесенія о томъ важномъ внушеніи.

Сообщая вашему сіятельству все вышеписанное, прошу я возмимѣть надлежащее примѣчаніе, сообщить ли господинъ Фризендорфъ Рибингову депешу прочимъ благонамѣреннымъ, и сдѣластъ ли онъ изъ нея какое употребленіе съ общаго ли ихъ согласія, или же безъ вѣдома ихъ, и какое напоследокъ произведетъ тогда она дѣйствіе, какъ при дворѣ и въ сенатѣ, такъ и во всей націи, а особливо у противниковъ.

Сіе мое письмо отправляю я чрезъ маіора барона Веннерштета съ выдачею ему на проѣздъ и денегъ нашихъ, но въ публикѣ здѣсь ни то, ни другое не извѣстно, а сказано будетъ, что онъ самъ собою назадъ въ отечество поѣхалъ, которымъ случаемъ и Рибингъ для отправленія депеши своей воспользовался.

Всегда пребуду я съ истиннымъ почтеніемъ и такою же преданностію, и т. д.

1775) ГРАМАТА КЪ НАМѢСТНИКУ ХАНСТВА КАЛМЫЦКАГО УБАШѢ.

Быть по сему ¹⁾.

Божіею милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Имп. Величества вѣрноподданному намѣстнику ханства Калмыцкаго УбашѢ, прочимъ владѣльцамъ судьямъ общенароднаго правительства, заисангамъ и всему народу наша императорская милость.

По вѣроломству Порты Оттоманской, нарушившей безъ всякой законной причины миръ, по нынѣ продолжавшейся, давъ мы, великая государыня, наше императорское величество всевысочайшее повелѣніе дѣйствовать нашимъ войскамъ противъ турокъ и татаръ, въ двухъ разныхъ сторонахъ, подъ командою нашихъ генераловъ аншефовъ князя Голицына и графа Румянцева, чрезъ сіе и тебѣ, нашему вѣрноподданному, повелѣваемъ отправить, коль скоро снѣга растаютъ и новая трава появится, или и старою лошади въ походѣ при первомъ случаѣ прокормлены быть могутъ, двадцать тысячъ калмыцкаго войска къ графу Румянцеву подъ предводительствомъ четырехъ надежныхъ владѣльцевъ, поручая въ вѣдомство каждаго по пяти тысячъ, но съ тѣмъ однакоже, чтобы одинъ изъ нихъ надъ всѣмъ войскомъ былъ главнымъ, а прочіе три владѣльца были въ его послушаніи, зайсанговъ же можешь толикое число употребить, сколько по твоему разсужденію для лучшаго содержанія порядка за нужно найдешь.

Владѣльцамъ долженствуютъ даны быть съ твоей стороны, чрезъ учрежденное въ калмыцкомъ народѣ правительство при отправленіи ихъ въ походъ, изъ котораго къ зимѣ калмыки отпущены будутъ обратно, письменные приказы, какимъ образомъ имъ поступать, но съ точнымъ предписаніемъ, особливо старшему, чтобы исполнялъ во всемъ по приказамъ главнокомандующаго нашею арміею генерала аншефа, и не

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, 28 декабря 1768 года.